

2. Геополитическая борьба в «Третьем мире» и начало войны в Афганистане

Зависимость СССР от окружающего мира была велика, но она была все же меньше, чем зависимость стран Запада от «Третьего мира» — стран, не достигших еще стадии развитого индустриального общества. Здесь находились сырьевые источники промышленности Западной Европы и Америки. Контролируя «Третий мир», можно было диктовать свою волю Западу и по существу, контролировать мир. В то же время поражения в «Третьем мире» не только наносили СССР болезненные моральные удары, не только лишали его дополнительных ресурсов, но и позволяли Западу ставить под угрозу границы страны. Ощущение «империалистического окружения», в котором находился СССР, усиливалось от того, что американские военные базы или антикоммунистические режимы существовали вдоль периметра советской границы. В ответ СССР пытался создать цепь своих опорных пунктов в регионах, жизненно важных для Запада — на Ближнем Востоке, в Южной Африке, в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии.

Борьба за «Третий мир» была, таким образом, не менее важна для сверхдержав, чем соревнование в области ракетно-ядерных вооружений. Ситуация в Азии и Африке напоминала шахматную игру — СССР, США, Англия и Франция отыгрывали друг у друга клеточки стран, используя при этом свои и чужие армии, террористов и деньги. В середине 70-х гг. для СССР

это была относительно безопасная игра на дальних подступах к его границам. Она помогала пропаганде рассуждать об успехах революционного процесса и затрудняла развитие Запада, во многом основанное на эксплуатации ресурсов «развивающихся стран».

В «Третьем мире» дипломатия сверхдержав не отличалась принципиальностью. Любой владыка мог провозгласить свою «социалистическую ориентацию» и рассчитывать на советскую помощь. Отказ от просоветского курса, даже без изменения внутренней политики, обычно делал того же диктатора «другом демократии» в глазах Запада. «Правила игры», стремление отыграть как можно более широкую «сферу влияния», заставляли помогать прежде всего тем странам, которые были действительно доведены до революции (либо до «революционного», то есть антизападного, переворота). Социальный кризис в этих странах помогал СССР бороться с экономическим империализмом капиталистических стран. Конкурентом Советского Союза в этом оставался Китай, пытавшийся сплотить страны «Третьего мира» как против западной неокOLONиальной эксплуатации, так и против «советского гегемонизма». Наличие у СССР собственных богатых ресурсов помогало до времени изображать бескорыстие в отношениях со странами «Третьего мира» и таким образом добиваться стратегических успехов. В 1981 г. СССР оказывал экономическую и техническую помощь 69 странам (включая такие «слаборазвитые», как Финляндия). Наибольший объем помощи приходился на Монголию (430 миллионов рублей), Кубу (357 миллионов) и Болгарию (332,5 миллионов)³². Но большинство этих стран поставляло в Советский Союз сырье по льготным ценам, так что помощь можно рассматривать не только как неизбежную плату за лояльность союзников, но и как форму расчета с партнерами. Росли поставки оружия «братским режимам». В 1955—1968 гг. эти поставки составили сумму в 4,5 миллиарда долларов, в 1966—1975 гг. — 9,2 миллиарда, а в 1978—1982 гг. — 35,4 миллиарда, что даже с поправкой на инфляцию доллара означает большой рост. В первой половине 80-х гг. СССР осуществлял военные поставки в 36 стран. Они составляли треть поступления оружия в страны «Третьего мира». Торговля этим товаром хорошо оплачивалась. Только Ирак заплатил за советское оружие в 80-е гг. 13 миллиардов долларов. В 80-е гг. бесплатные поставки оружия заметно сократились³³. Это означало, что оружие все меньше воспринималось как фактор экспансии и все больше — как бизнес. Конечно, СССР не отказался от переправки оружия своим союзникам, борющимся с «империализмом». В этом отношении Советский Союз и США мало отличались друг от друга.

Универсальным средством подрыва прозападных режимов после Второй мировой войны стала партизанская война. Блестяще осуществленная во Вьетнаме и на Кубе, партизанская война затем успешно применялась в Индонезии, в португальских колониях и в других странах. Несмотря на то, что в ряде случаев (Латинская Америка, Филиппины, Малайзия и др.) «империализму» удалось отбить нападение, борьба шла с переменным успехом.

Западный истеблишмент, не склонный к самокритичному анализу причин революционного процесса в «Третьем мире», слишком многое «списы-

вал» на происки КГБ по разжиганию подрывной активности (это касается и отношения к неконформистским идеям в самих странах Запада). Между тем КГБ здесь пользовался уже возникшими движениями, как правило осторожно поддерживая их. Революция была обоюдоострым оружием и иногда ставила СССР перед фактом вспышки недовольства на территории союзника, переросшей в переворот или партизанскую войну. Тогда в дело вступала советская или кубинская поддержка (латиноамериканский сателлит СССР был еще более агрессивен в оказании «интернациональной помощи»).

Начиная с середины 1970-х годов, после ухода США из Вьетнама, сфера влияния Запада стала быстро сужаться. Распалась колониальная система Португалии, революционная волна снова докатилась до Центральной Америки — сторонники «социалистического выбора» победили в Никарагуа и на Гренаде, гражданская война разгорелась в Сальвадоре. Под напором исламского радикализма рухнул проамериканский режим в Иране. Вьетнам разгромил полпотовский режим в Кампучии и отбил попытку Китая «наказать» его за это.

«Социалистический лагерь» развивал успех, поддерживая «очаги революций». Отказать в поддержке было нельзя — в другой раз «революционеры» могут не поверить, что СССР не оставит их в трудную минуту. Г.Арбатов вспоминает, как советник Брежнева А.Александров убеждал своего шефа продолжать военное вмешательство в Анголе: «ему Ангола напоминает Испанию 1935 года, и мы просто не можем остаться в стороне, не выполнить своего долга, какими бы не казались последствия...; тут Александров привел совершенно неожиданный для меня аргумент: «А помните, Леонид Ильич, как вели себя американцы во время индо-пакистанского конфликта?» Брежнев очень эмоционально отреагировал, сказал о политике США что-то очень резкое»³³. Решение было принято, Анголу удалось удержать, что породило соблазн к продолжению подобного рода акций во все более широком масштабе: «В политике часто бывает, что если какой-то шаг, какая-то акция сходит с рук, вроде бы приносит почти успех, неизбежны повторения. До тех пор, пока не нарвешься на крупную неприятность»³⁴, — пишет Г.Арбатов. Такой неприятностью стал Афганистан.

Еще в 1977 г. советско-афганская граница была одной из самых надежных и спокойных. С 1919 г. афганские монархи демонстрировали самые добрые чувства к северному соседу и получали от него экономическую помощь и международную поддержку. Советско-афганские отношения можно было бы сравнить с советско-индийскими — разные общественные системы не мешают дружбе. Впрочем, дружба дружбой, а табачок врозь — за строительство промышленных объектов СССР получал твердую валюту, которой у Афганистана было не так много. Да и страна была одной из самых бедных — по уровню жизни она занимала 108 место из 129 стран «Третьего мира». Это заставило президента М.Дауда, пришедшего к власти после свержения монархии в 1973 г., переориентироваться на богатого соседа — Иран. Шах Ирана был готов оказывать Афганистану значительную финансовую помощь, но с одним условием — страна должна быть свободна от коммуни-

стического влияния. В Афганистане это влияние символизировала Народно-демократическая партия (НДПА), возникшая в 1965 г. и тут же расколовшаяся на три фракции — более радикальную «Хальк» («Народ»), более умеренную «Парчам» («Знамя») и работавший в военной среде вместе с «халькистами» Объединенный фронт коммунистов Афганистана (ОФКА). Несмотря на то, что в 1977 г. «Хальк» и «Парчам» формально объединились, их члены и лидеры продолжали недолюбливать друг друга, и реальное взаимодействие фракций было невелико.

Выполняя рекомендации иранского шаха, Дауд удалил из правительства военных, считавшихся «левыми». Это вызвало недовольство в армии, где было уже немало сторонников НДПА и ОФКА, предлагавших радикальный путь преодоления отсталости страны — переворот и «строительство социализма» с опорой на помощь СССР. В декабре 1977 г. власти провели аресты среди актива НДПА. 17 апреля был застрелен у своего дома один из лидеров НДПА М.Хайбар. Это убийство возмутило общественность, и на похороны Хайбара его партийным товарищам удалось собрать около 15 тысяч человек, что для Кабула очень много. Обеспокоенный ростом влияния НДПА, Дауд опасался, что шах Ирана сочтет его политику в отношении коммунистов слишком либеральной. 25 апреля он приступил к арестам оставшихся на свободе членов партии. Однако некоторые «левые», принадлежащие к афганской элите, были посажены лишь под домашний арест. В этих условиях один из них — Х.Амин отдал приказ сторонникам НДПА в армии начать «революцию». На следующий день 26 апреля и он оказался в тюрьме, но машина переворота была запущена.

Публицист Д.Волгогонов, не приводя аргументов, утверждает, что «советская военная разведка, традиционно сильная, знала о готовящемся заговоре, информировала свое руководство, Старую площадь, но “активного” участия, кроме как “рекомендациями”, в перевороте не принимала»³⁵. Последующие действия руководства СССР и характер дискуссий в Политбюро не подтверждают версию об участии советской стороны в перевороте даже «рекомендациями».

О возможности «революции» Москва узнала от лидера умеренной фракции НДПА «Парчам» Б.Кармаля, который был очень недоволен развитием событий. Председатель КГБ Ю.Андропов был с ним в основном согласен³⁶. По словам заместителя Министра иностранных дел СССР Г.Корниенко «для Москвы этот переворот был совершенно неожиданным... Позже лидер НДПА Тараки в беседе со мной откровенно говорил, что, хотя у них имелась возможность уведомить советских представителей в Кабуле о готовившемся перевороте, они сознательно не стали делать этого, так как опасались, что Москва попытается отговорить руководство НДПА от вооруженного выступления, ссылаясь на отсутствие в Афганистане в ту пору революционной ситуации»³⁷.

В 12 часов 27 апреля 1978 г. танки 4-й бригады под командованием майора М.Ватанджара открыли огонь по президентскому дворцу. Их поддержала авиация. После первых залпов Дауд сказал своим министрам: «Кто хочет спасти свою жизнь, волен сделать это, покинув дворец». Сам президент

решил сражаться и до вечера отбивался от нападающих командос, подержанных танковыми и авиационными атаками. Когда заговорщики наконец ворвались в помещение, в котором находился президент, и потребовали сдать оружие, Дауд спросил, кто совершил переворот. В ответ офицер, руководивший группой солдат, ответил: «НДПА возглавляет революцию». Поняв, что в этом случае терять ему все равно нечего, Дауд выстрелил в офицера и был убит в завязавшейся перестрелке³⁸.

В результате переворота, провозглашенного революцией, к власти пришел Военно-революционный совет, вскоре преобразованный в Революционный совет во главе с лидером «халькистов» Н.Тараки. Его соперник из умеренной фракции «парчам» Б.Кармаль был избран заместителем председателя РС. Однако «революцию» совершили «халькисты», а «парчамисты» наблюдали происходящее со стороны, и теперь присутствие этих «копportunистов» в государственном руководстве вызывало недовольство радикально настроенных военных. Тем более, что, несмотря на запрет фракционной деятельности, «парчамисты» собрали свой отдельный съезд, где обсуждали согласованную политику фракции. Вскоре Б.Кармаль и другие лидеры «Парчам» были отправлены поездами дальше от Афганистана, а в августе 1978 г. начались аресты «парчамистов». Их лидеры, а также сторонники министра обороны, лидера ОФКА А.Кадыра были объявлены «врагами народа», многие были расстреляны. Самого Кадыра пытали, и только вмешательство советских представителей помогло спасти ему жизнь. «Разоблачение» Кадыра и «парчамистов» привело к чистке армии, арестам среди умеренных членов НДПА. Все государственное руководство сосредоточилось в руках Н.Тараки и Х.Амина. Однако внутривластная борьба не стихала. Молодые сторонники Тараки во главе с организатором штурма дворца Дауда М.Ватанджаром добивались отстранения Х.Амина от руководства. Своего добиться им не удалось, и в сентябре эти лидеры «хальк» ушли в подполье.

Внутривластная борьба сопровождалась усилением конфронтации в афганском обществе. Попытка проведения радикальной аграрной реформы вызвала сопротивление — правительственные декреты противоречили традициям страны. Излишки земли конфисковывались у традиционных владельцев в пользу государства, а затем раздавались малоземельным крестьянам. Однако крестьяне часто не брали землю, считая такой передел несправедливым и противоречащим законам ислама. «Религиозные крестьяне считали, что земля уже поделена Аллахом», — пишут А.Ляховский и В.Забродин³⁹. Боялись и мести феодалов. Недовольство вызвала и политика культурной унификации страны, насаждение языка и культуры национального большинства — пуштунов. В то же время попытки установить более жесткий контроль над кочевниками-пуштунами, мигрировавшими между Афганистаном и Пакистаном, поссорили новую власть и с ними. Введение контроля над ценами ухудшило положение со снабжением. Чтобы сломить саботаж и волнения, НДПА развернула террор против аристократии и торговцев, а затем и против всех, кто предпочитал слушать местного муллу или феодала, а не партийного функционера. По словам одного из лидеров

НДПА Х.Амина «у нас 10 тысяч феодалов. Мы уничтожим их, и вопрос решен. Афганцы признают только силу»⁴⁰. Репрессии приняли такие масштабы, что населению пришлось спасаться бегством. Если в 1973 г. в Пакистане находилось несколько сот эмигрантов из Афганистана, то в 1978 — уже 109900, в сентябре 1979 — 193 тысячи, в декабре — 402100 человек⁴¹. Этим людям нужно было чем-то жить, многие из них хотели мстить коммунистам. Такая возможность им предоставилась — в Пакистан была направлена финансовая помощь США, Саудовской Аравии и Китая, которая позволила быстро сформировать военные лагеря. Из них партизанские группы стали перебрасываться в Афганистан. На смену стихийным бунтам против новой власти, происходившим уже с мая 1978 г., в начале 1979 г. пришла гражданская война. Действия партизан, встречавшие поддержку значительной части местного населения, распространялись на все большую территорию. К концу 1979 г. численность «моджахеддинов» или «моджахедов» (борцов за дело ислама) достигла 40 тысяч человек. Влияние радикальной оппозиции распространялось и на афганскую армию.

Революционеры в этой тяжелой обстановке связывали свои расчеты с СССР. Генерал Главпура Д.Волгонов вспоминает о встрече «вождей афганской революции» с советской военной делегацией: «Нур Мухаммед Тараки, глядя куда-то поверх наших голов, негромко говорил: Афганистан станет социалистической страной. Но будет это не скоро. У нас почти нет образованных людей. Вся надежда на армию... Помолчав, продолжил: в армии среди офицеров много наших врагов и предателей, но солдаты пойдут за НДПА. Но нам нечем им платить. Они полуголодные... СССР будем просить помочь. Передайте Брежневу, вы получили еще одного надежного союзника...»⁴² Кабульские мечтатели мыслили в тех же категориях, что и европейские революционеры XVIII — начала XX века: в отсталой стране, опираясь на военную силу и подавляя заговоры, необходимо просветить население, силой повысить культурный уровень народа, после чего создать справедливый общественный строй. Различие заключалось в том, что европейцы не могли рассчитывать на помощь «старших товарищей».

Афганским революционерам казалось, что они принесли СССР не новую головную боль, а геополитический подарок. Они уже видели себя на острие наступления «мирового социализма». На переговорах с советской военной делегацией они предлагали поднять восстание белуджей в Пакистане и прорваться к Индийскому океану. «А значит этот выход будете иметь и вы... Только помогите нам... — вспоминает об этой встрече генерал Волгонов, — Епишев молча выслушал, не реагируя на проекты новых афганских руководителей, твердо заметив в конце:

— Вы не о том говорите... Для вас сейчас главное — укрепить власть...»⁴³ СССР не планировал экспансию на Юг.

К чести советского руководства можно сказать, что оно «упиралось» изо всех сил, стремясь избежать прямого участия советских войск в конфликте. Особенно интенсивно вопрос о советском вмешательстве стал обсуждаться в Политбюро ЦК КПСС после того, как 15 марта в Герате началось мощное восстание против режима НДПА. Н.Тараки и Х.Амин бомбардировали Мо-

скупу просьбами о помощи. 17 марта Политбюро обсуждало этот вопрос в отсутствие Брежнева. Исходную посылку сформулировал А.Громыко: «Мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве»⁴⁴. Таким образом, первоначально ставились две задачи политики СССР в Афганистане — сохранение контроля над этой страной и поддержание добрососедских отношений с ней. Члены Политбюро не допускали, что эти задачи могут противоречить друг другу.

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909—1989)

В КПСС с 1931 г. Окончил экономический институт в 1932 г., затем — аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Работал старшим научным сотрудником Института экономики. Доктор экономических наук. С 1939 г. — на дипломатической работе. В 1943—1946 гг. — посол СССР в США и по совместительству — посланник на Кубе. В дальнейшем — постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, заместитель и первый заместитель министра иностранных дел, посол в Великобритании. С 1939 г. — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1956—1959 гг. и с 1961 г. — член ЦК КПСС. В 1957—1985 гг. — министр иностранных дел СССР. В 1973—1988 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. В 1985—1988 гг. — председатель Президиума ЦК КПСС.

Блестящая карьера Громыко в 1939—1957 гг. была связана с мощными политическими потрясениями в стране, к которым сам он не имел прямого отношения. Тревожная молодость научила его осторожности и сковала лицо непроницаемой маской. Придя в дипломатию из науки, Громыко оставался чужаком в партийной иерархии, не пройдя «проверки» партийной работой. Он был нужен высшему руководству как грамотный специалист, как чиновник. В то же время среди чиновников, заполнивших вершину партийной иерархии, он оставался дипломатом. Громыко относительно трезво оценивал ситуацию, но, стараясь не конфликтовать с фигурами, имевшими реальную силу, обычно уступал, когда его мнение расходилось с позицией ключевых членов Политбюро, прежде всего руководителей КГБ и Минобороны. За несколько десятилетий дипломатической работы Громыко сильно оторвался от реальностей советской жизни. В 80-е гг. он, например, с удивлением обнаружил, что на улице Горького перестали продавать сельтерскую воду (это произошло несколькими десятилетиями ранее). «Дело плохо», — прокомментировал он это открытие. Сравнение тех скудных данных о жизни в СССР, которые Громыко получал, с информацией о социальных стандартах Запада были в пользу последнего, что стало оказывать воздействие на настроение министра. Однажды, например, он сказал своим сотрудникам: «Действительно, в Москве совершенно невозможно отремонтировать квартиру..., не то что на Западе»⁴⁵. Но в первой половине 80-х такие высказывания Громыко были редкостью.

Реакция на просьбу афганского руководства о вводе в Афганистан советских войск была в Политбюро негативной. По словам Кириленко, «нам придется воевать в значительной степени с народом»⁴⁶. Косыгин считал, что следует усилить поставки оружия и продовольствия⁴⁷, но войска не вводить. «Религиозный фанатизм настолько бушует, — говорил Косыгин, — что

они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что нам надо и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили. В самом деле, ведь до сих пор у них продолжают расстрелы несогласных с ними людей. Почти всех руководителей не только высшего, но даже среднего звена из партии «Парчам» они уничтожили... Я считаю, что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск»⁴⁸. Развязанный в Афганистане террор вызывал у кремлевских старцев неприятные воспоминания о тревожной юности, о сталинских временах. Особенно активно за давление на афганское руководство с целью прекращения расстрелов и пыток выступал Кириленко⁴⁹. Но все же у Устинова уже был готов план ввода войск. И Косыгин, и Громыко не исключали такого исхода в крайнем случае⁵⁰.

В состоявшемся вскоре телефонном разговоре Тараки уговаривал Косыгина осуществить военное вмешательство в Афганистане в районе Герата, поставив на свои танки афганские опознавательные знаки и посадив за рычаги солдат из среднеазиатских республик. «Никто их не узнает»⁵¹. Косыгин «упирался», предлагая танки, но без экипажей. Тараки настаивал, уверяя, что своих танкистов в Афганистане крайне мало. «В Советском Союзе прошли подготовку сотни офицеров из Афганистана. Куда же они все делись?» — недоумевал Косыгин. «Большая часть их — мусульмане-реакционеры...» — отвечал Тараки, давая понять, что чистка прошла и по тем кадрам, которые до этого были вполне «достойны» пройти обучение в СССР⁵².

Более решительно руководители СССР выступали против вторжения на заседаниях Политбюро 18—19 марта. Видимо, отрицательное решение уже было принято узкой группой «силовых» членов этого органа. По словам Андропова, «для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т.д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью советских штыков, а это совершенно недопустимо для нас»⁵³. «Ввести свои войска, — продолжал председатель КГБ, — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ»⁵⁴. Какой диссидент сказал бы лучше? Андропову вторил Громыко, подробно останавливаясь на внешнеполитических последствиях вторжения: «Я полностью поддерживаю предложение т. Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего... Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас... Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно Уставу ООН страна может об-

ратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска, если бы она подверглась агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой... Полетели бы и переговоры по СОЛТ-2 (ОСВ-2 — А.Ш.), не было бы подписания договора (а как-никак это сейчас для нас самая крупная политическая акция)... С западными странами, и в частности с ФРГ, у нас отношения были бы испорчены»⁵⁵. Кириленко сосредоточился на правозащитной теме: «Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись»⁵⁶. Как видим, все аргументы, выдвинутые постфактум против ввода войск публицистами и политологами десятилетие спустя, были прекрасно известны и кремлевскому руководству. Казалось бы, после такого обмена мнениями на идее вторжения должен был быть поставлен крест. «Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну,» — констатировал Брежнев⁵⁷.

20 марта Косыгин, Громыко, Устинов, Пономарев встретились с прилетевшим в Москву Тараки. Косыгин сообщил ему о принятом решении, привел в пример вьетнамский народ, который со всеми агрессиями справился сам, похвалил за одержанные в подавлении гератского восстания успехи, в мягкой форме объяснил возможные последствия ввода войск — в общем, вел себя как хороший педагог с учеником, начавшим исправляться⁵⁸. Однако «ученик» продолжал препираться и просить вертолеты и бронетехнику с экипажами (не хочет дать СССР — попросим у Кубы и Вьетнама)⁵⁹. Так возникла опасная тема переориентации Афганистана с советской помощи на какую-нибудь еще: «поищем в других странах. Мир большой»⁶⁰. Но на прямую просьбу «разрешить» использование пилотов из других соцстран Косыгин ответил вежливым отказом: «соцстраны вряд ли пойдут на это»⁶¹. Покончив с одним неприятным вопросом, Косыгин перешел к другому — еще более неприятному: «Не для обсуждения, а в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного отношения к своим кадрам... Ошибки в кадровой политике очень дорого обходятся. Мы это испытали на себе. При Сталине, вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах»⁶². Тараки пришлось молча проглотить это сравнение.

Чтобы закрепить «педагогический успех» и лишить Тараки надежд на апелляцию, ему устроили встречу с Брежневым. Генеральный секретарь не только повторил информацию об отказе от ввода войск, но и более развернуто остановился на теме репрессий: «Нельзя многого ждать от армии, если часто сменяются командные кадры. Это тем более справедливо, если смена кадров сопровождается арестами»⁶³.

Однако отказ от ввода войск не решал проблему стабильности южной границы. Кабульский режим продолжал агонизировать, формирования оппозиции активно действовали в непосредственной близости от границ советских среднеазиатских республик. Выход руководство СССР видело в переходе кабульского режима к более умеренной политике. Весной Громыко, Андро-

пов, Устинов и Пономарев положили на стол Политбюро записку, где заявили о необходимости «постепенного перехода к созданию выборных органов при безусловном, конечно, сохранении и укреплении руководящей роли партии в государственной и политической структуре страны...»⁶⁴ В этой фразе содержится положение, которое дорого будет стоить СССР и его «руководящей силе». Вместо того, чтобы стремиться восстанавливать status quo, существовавший до 1977 г., а возможно — и до 1973 г. (то есть порядок, приемлемый для значительной части оппозиции), советские руководители подошли к Афганистану с европейскими, а точнее — с восточноевропейскими мерками. Считалось, что правительство, возглавляемое умеренными коммунистами, сможет умиротворить страну. Между тем для значительного большинства противников режима он был неприемлем как таковой. Крестьяне и вожди партизанских формирований видели в НДПА «руку Москвы», угрозу атеизма, разрушения традиционного общественного уклада и не вникали в тонкости внутрипартийных отношений в НДПА, которым придавали такое значение в Москве.

Таким образом, стал формироваться обреченный на неудачу план умиротворения Афганистана с помощью либерального просоветского правительства. По утверждению американского специалиста А. Арнольда, работавшего в 1979 г. в Кабуле, Тараки согласился под давлением советской стороны перейти к более умеренному курсу. Предполагалось создание коалиционного правительства с участием Б. Кармаля. Для того, чтобы страна поверила в реальность нового умеренного курса, все «грехи» прежнего террористического правления предполагалось «списать» на Амина, для чего планировалось его устранение. По мнению А. Арнольда этот план согласовывался во время визита Тараки в СССР в сентябре 1979 г.⁶⁵ Эта часть версии А. Арнольда (в отличие от его мнения о том, что устранение Амина должно было расчистить дорогу советскому вторжению в Афганистан⁶⁶) представляется весьма правдоподобной. Но выбор «козла отпущения» исходил не от СССР, а от самого Тараки, который уже с марта пытался ограничить власть человека № 2 в НДПА, но без особого успеха. Советские представители придерживались различных взглядов на энергичного Амина, но новый курс требовал умеренного, а не радикального лидера. Амин был радикалом, поклонником Сталина и Мао⁶⁷. Предложения «старших товарищей» окончательно убедили Тараки в необходимости избавиться от Амина.

Однако Амину стало известно о том, что из него хотят сделать «козла отпущения». По свидетельству начальника президентской гвардии майора Джандада, после возвращения Тараки из СССР «Амин был очень обеспокоен»⁶⁸. 14 сентября 1979 г. в резиденции Тараки, куда был приглашен Амин, произошло вооруженное столкновение. Стреляли в Амина, поднимавшегося по лестнице к Тараки. Амину удалось спастись. Во время перестрелки был убит начальник охраны Тараки, в то же время близкий Амину — член ЦК НДПА С. Тарун. Высказываются версии, что Амин сам инициировал нападение на себя⁶⁹, но более вероятно, что перестрелка стала результатом нарастающей в НДПА враждебности между лидерами и их сторонниками. Охрана Тараки постоянно ожидала нападения. Многие сторонники Тараки считали Амина причиной всех зол. Настроенные враждебно к Амину Ва-

танджар и его группа не расставались с оружием. Любой из этих факторов мог вызвать роковые выстрелы.

Каковы бы ни были причины выстрелов, вырвавшись из дворца, Амин немедленно мобилизовал верные ему части и арестовал Тараки, который вскоре был исключен из партии по обвинению в организации террора. В момент перестрелки у Тараки находились советский посол А.Пузанов, генерал армии И.Павловский, главный военный советник генерал-лейтенант Л.Горелов, представитель КГБ генерал-лейтенант Л.Богданов. Это не добавило доверия отношениям между «новым афганским руководством» и СССР. В закрытом письме членам НДПА Амин обвинил советских представителей в причастности к случившемуся. В этом письме говорилось и о причинах конфликта Тараки и Амина: «Х.Амин проявлял свою принципиальность, разоблачая культ личности Н.М.Тараки... Он и его группа желали, чтобы значки с его изображением носились на груди халькистов. Х.Амин решительно выступал против этого и говорил, что даже В.И.Ленин, Хо Ши мин и Ф.Кастро не допускали подобного»⁷⁰. Конечно, причины разногласий в афганском руководстве были глубже — здесь шла ожесточенная борьба за власть между революционными бюрократическими кланами. Призом в этой борьбе была абсолютная власть, ставкой — жизнь. Амин и после 14 сентября не чувствовал себя спокойно, пока Тараки был жив и мог при поддержке СССР вернуться к власти.

Вскоре после драматических сентябрьских событий Громыко встретился с министром иностранных дел Афганистана Шах Вали.

«Громыко: Вы считаете, что это было преднамеренно организовано тогда, когда там находился советский посол, ничего не зная об этом?»

Шах Вали: Дело обстояло таким образом, что когда советский посол заверил Амина в том, что ему ничего не угрожает, Амин приехал, но вместе со своей охраной»⁷¹.

В этом диалоге чувствуется скрытая дискуссия: Громыко априори утверждает невиновность советского посла в покушении на Амина. Министр иностранных дел Афганистана намекает на то, что в этом вопросе еще нельзя ставить точку. Для сторонников Амина было важно поставить СССР в положение виноватого, чтобы «старший брат» не мешал расправе над Тараки. Здесь Амин ошибся в оценке психологии советских вождей. Дух ожесточенной борьбы за власть, одобренный «азиатской» жестокостью, давно, с 50-х гг., не вызывал у них понимания.

После сентябрьского переворота Громыко считал одной из важнейших задач «всячески удерживать Амина от репрессий в отношении сторонников Тараки и других неугодных ему лиц, не являющихся врагами революции»⁷². Эта линия полностью провалилась. 8 октября Тараки был задушен. Этим Амин надеялся не только ослабить внутривнутрипартийную оппозицию, но и покончить с попытками СССР найти ему альтернативу.

Для кремлевских стариков, привыкших считать себя революционерами-интернационалистами, а лидеров «братских партий» — товарищами по борьбе, гибель Тараки была личным ударом и даже вызовом. По воспоминаниям Громыко «дополнительную остроту обстановке придавало убийство Гене-

рального секретаря ЦК НДПА Н.М.Тараки... Этот кровавый акт произвел потрясающее впечатление на все советское руководство. Л.И.Брежнев особенно тяжело переживал его гибель»⁷³. «Президент Тараки был моим другом. Он приехал ко мне в сентябре. После его возвращения Амин его убил. Этого я ему не мог простить», — говорил Брежнев на встрече с президентом Франции в 1980 г.⁷⁴ По советским данным с середины сентября по декабрь в Афганистане было казнено около 600 человек, в том числе — просоветски настроенные сторонники Тараки⁷⁵. Отныне Амин рассматривался в Кремле не как товарищ, а как коварный, на все способный преступник. Убийство Тараки спровоцировало психологический перелом, который в конечном итоге привел к принятию решения о вводе войск. Но это было не единственное обстоятельство, способствовавшее изменению настроений в Кремле.

По данным Г.Корниенко, большое впечатление на руководителей СССР, особенно на Устинова, оказал ввод в Персидский залив американских военных кораблей и информация (а возможно — умелая дезинформация) о подготовке вторжения США в Иран. «Если США позволяют себе такое за десятки тысяч километров от своей территории и в непосредственной близости от границы СССР, то почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем Афганистане, — так примерно рассуждал Устинов»⁷⁶. Еще одно важное стратегическое обстоятельство, облегчившее принятие решения о вводе войск, — охлаждение отношений с США. По словам Г.Корниенко, «подписанный в июне 1979 г. Брежневым и Картером договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) в результате происков его противников в США к тому времени был уже обречен (Афганистан лишь добил его позднее). Не случайным, думаю, было и то, что окончательно решение о вводе войск было принято в конце дня 12 декабря 1979 г., после того, как в Москве стало известно о принятом в тот же день Советом НАТО решении о размещении в Европе американских ракет средней дальности. Другими словами, доводы, имевшие ранее в глазах советских руководителей большой вес, насчет отрицательных последствий ввода войск для отношений СССР с Западом, оказались подорванными тем, что эти отношения и без того обострились — терять, мол, особенно нечего»⁷⁷.

Реакция США на события в этом регионе и активное вмешательство американцев в конфликт были связаны с серией неудач, которые администрация Картера потерпела в «Третьем мире». Крупнейшим провалом были события в Иране. Но еще до их перехода в опасную фазу США резко реагировали на вмешательство СССР и Кубы в войну на Африканском роге. Здесь «танцующие поменялись местами» — в историческом конфликте Эфиопии и Сомали проамериканская ориентация Эфиопии сменилась просоветской после прихода к власти М.Мариама. Советский Союз не мог отказаться от такого приобретения и не пошел на уступки лидеру Сомали С.Барре, решившему воспользоваться эфиопской смутой и захватить провинцию Огаден, где кочевали племена, этнически близкие сомалийцам. Разрыв Барре с СССР был столь резок, а ситуация в Эфиопии — столь нестабильна, что СССР не стал препятствовать Ф.Кастро в посылке экспедици-

онного корпуса. Советские военные специалисты в большом количестве прибыли в страну. США и другие страны НАТО стали помогать Сомали, но не так демонстративно. 17 марта 1978 г. Картер обвинил СССР в «зловещей склонности» применять военную силу в локальных конфликтах⁷⁸. Сами США воздерживались от такой же «зловещей склонности» только в 1976—1980 гг., и даже миролюбивому Картеру пришлось послать военную экспедицию в Иран в 1980 г.). США увязывали решение глобальных международных вопросов с кубинской интервенцией в Эфиопии. Бжезинский выдвинул геополитическую теорию о «дуге кризисов», которую якобы создает СССР вокруг источников нефти (Ангола—Африканский рог—Йемен—Иран—Афганистан), и убеждал президента, что происходящие конфликты являются частью советского плана⁷⁹. Во многом эта нарисованная на глобусе «дуга», вредившая советским интересам не менее, чем американским, была подражанием теории «империалистического окружения», в обосновании которой у советских идеологов было гораздо больше географических аргументов.

Еще один важный фактор, повлиявший на формирование решения о вводе войск в Афганистан, был связан с Китаем. Приход к власти в КНР нового руководства и обострение борьбы за власть в этой стране привел к резкому обострению ситуации по периферии китайских границ. В мае 1978 г. произошли столкновения на советско-китайской границе. Одновременно Китай начал кампанию беспрецедентного давления на Вьетнам, стремясь заставить его отказаться от просоветской ориентации. В качестве средств давления КНР использовал замораживание экономических отношений, призыв к возвращению «хуацяо» (этнических китайцев, проживающих во Вьетнаме), угрозу вторжения, вооруженные провокации со стороны союзника КНР Кампучии. Вьетнамское руководство решило коренным образом решить хотя бы одну проблему — в январе 1979 г. вьетнамская армия вторглась в Кампучию и разгромила террористический режим Пол Пота. Часть кампучийских войск перешла на сторону бывших товарищей по оружию и составила костяк нового провьетнамского режима Камбоджи (дополпотовское название страны). Это был сильнейший удар по престижу Китая, который не смог защитить союзника.

В этих обстоятельствах США взяли курс на окончательную нормализацию отношений с КНР. В январе были возобновлены дипломатические отношения, страны признали друг друга. Американцы начали поставки вооружений в Китай. Несколько позднее Китай предоставил свою территорию американской разведке для сбора информации об СССР (этот факт также влиял на оценку опасности потери Афганистана). Во время визита в США 29 января — 1 февраля 1979 г. лидер КНР Дэн Сяопин убеждал Картера, что СССР планирует напасть на Китай, чтобы разрушить «слабое звено» в антисоветской цепи, возникшей вокруг границ Союза⁸⁰. Эта идея перекликалась с геополитическими теориями Бжезинского, но объяснение обеспокоенности Дэна было проще — 5 марта Народно-освободительная армия Китая вторглась во Вьетнам. «Архитектор китайских реформ» опасался, что СССР не допустит «наказания Вьетнама» и откроет «второй фронт». Противостоять такому удару КНР не мог. Но выяснилось, что его армия настолько сла-

ба, что не может справиться и с Вьетнамом. Закаленные в тридцатилетней войне с «империализмом», вьетнамские войска остановили китайское вторжение и заставили их эвакуироваться. Новое поражение КНР заставляло Дэна искать возможности для реванша. Переход режима Амина в оппозицию СССР предоставил бы для этого блестящую возможность.

Однако решающим обстоятельством, оказавшим влияние на позицию кремлевского руководства по Афганистану, оказалась эволюция внешней политики Амина. Эта политика свела воедино все опасения, связанные с действиями США, Китая и печальным опытом Сомали и Египта. По словам американского исследователя Б.Сен Гупта, «хотя внешне отношения афганского режима и СССР продолжали оставаться дружественными, однако “новый глава Кабула” вскоре обратился к США с предложением радикально улучшить отношения между странами. Цель этого предложения состояла в оказании давления на Советский Союз»⁸¹. Во время встречи с пакистанскими представителями Амин критиковал СССР и просил передать США просьбу о содействии. Советское посольство было информировано о содержании этих бесед и даже о прямых неформальных контактах между Амином и американскими представителями⁸². В записке Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева в Политбюро, внесенной сразу же после ввода войск, сообщалось: «В то же время имели место попытки наладить контакты с американцами в рамках одобренного Х.Амином “сбалансированного курса”. Х.Амин ввел в практику проведение конфиденциальных встреч с поверенным в делах США в Кабуле»⁸³.

Амин, судя по его дальнейшему поведению, таким образом пытался добиться большей помощи от СССР в критической внутривнутриполитической ситуации («мир большой» — не дадите вы, попросим помощи у Запада). Но подобный дипломатический «высший пилотаж» привел к обратному результату. Для Москвы такие инициативы Амина были новым подтверждением враждебности его к СССР. КГБ вообще подозревал Амина в связях с ЦРУ⁸⁴.

Всего два года назад разногласия между Сомали и Эфиопией привели к тому, что радикальный просоциалистический сомалийский лидер С.Барре переориентировался на США, превратился в пламенного антикоммуниста и вступил с войну против просоциалистической Эфиопии. Еще раньше подобным образом Советский Союз «потерял» Египет, что как раз в 1979 г. закончилось крупным успехом США — Кэмп-Дэвидским соглашением. Теперь драма превращения союзника в агрессивного противника, доказывающего свою лояльность Америке враждебными действиями против СССР, могла разыграться у самых границ СССР. Это несло угрозу стратегической безопасности страны. По мнению первого заместителя начальника Генерального штаба МО СССР В.Варенникова, «воспользовавшись ситуацией, США могли бы поставить вдоль советско-афганской границы свою контрольно-измерительную аппаратуру, способную принимать все параметры с опытных образцов нашего ракетного, авиационного и другого оружия, которое проходило у нас испытания на полигонах Средней Азии»⁸⁵. Интерес американцев в этой области был очень велик, ведь по-

сле иранской революции возможности контроля со стороны США за пусковыми площадками в Средней Азии значительно ослабли⁸⁶.

Для Амина переориентация на США могла быть спасительной — это означало бы прекращение помощи партизанам со стороны Запада, нормализацию отношений с Пакистаном и спасение режима под новой вывеской. Понятно, что США потребовали бы за это проведение враждебного курса в отношении Советского Союза. Таким образом, у границ СССР мог возникнуть агрессивный террористический проамериканский режим, проводящий в отношении Советского Союза политику, подобную китайской политике 60-х гг. Жискара д'Эстен вспоминает об аргументах Брежнева на их встрече в Варшаве в 1980 г.: «Если бы не вмешался ограниченный советский воинский контингент, — сказал Брежнев, — то уже в январе Афганистан превратился бы во враждебный для Советского»⁸⁷. Похоже, Генсек искренне верил в правоту своих слов. В записке Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева в Политбюро (секретной и потому откровенной) говорилось о том, что с ведома Амина распространялись «заведомо сфабрикованные слухи, порочащие Советский Союз и бросающие тень на советских работников в Афганистане». Для них были установлены ограничения на контакты с местными жителями⁸⁸. С этого же начиналась «потеря» Египта.

«Сомалийско-египетский» сценарий в Афганистане стал кошмаром советского руководства, и альтернатива ему виделась в проведении операции, подобной той, которая сорвалась 14 сентября. Но возможностей устранить Амина, опираясь на внутренние силы Афганистана, уже не было. Вторжение оставалось единственным шансом избежать крупного геополитического поражения, последствия которого казались более серьезными, нежели негативные стороны военного вмешательства. На его издержки стали смотреть спокойнее. Запад следовало не умиротворять, а проучить. «Европейский» подход к ситуации создавал иллюзию возможности быстро преодолеть кризис. По мнению Ю.Ганковского «оптимистическое предположение сводилось к тому, что Кармаль, проводя более умеренную политику, сможет без особых сложностей получить более широкую поддержку, которая была потеряна Амином при осуществлении крайне радикальных реформ»⁸⁹.

По утверждению генерала И.Павловского решение о вводе войск было принято вопреки мнению Генерального штаба, который считал, что эта операция не погасит, а активизирует действия оппозиции⁹⁰. Что военные могли предложить взамен? Авторы подготовленной группой военных специалистов книги «Война в Афганистане» считают: «Альтернатива (вводу войск — *А.Ш.*), по нашему глубокому убеждению, существовала хотя бы в силу того, что дееспособность афганского руководства зависела от размеров советской помощи. При снижении размеров этой помощи и при содействии политических факторов (открытое разоблачение Х.Амина, разоблачение его преступных действий, теоретической несостоятельности выдвигаемых им лозунгов, моральная и материальная поддержка здоровых сил в НДПА, освещение возможностей потенциального развития афганской революции и т.д.) события в Афганистане пошли бы по другому руслу»⁹¹. Этот перечень мер выглядит весьма наивно. Такая политика не могла не привести к результа-

там, которые оценивались кремлевскими стратегами как самое худшее, — она просто толкнула бы Амина в объятия США или Китая. Высшие руководители СССР считали, что военные недооценивают важность политических факторов. В конечном итоге Генштабу удалось добиться решения о том, что советские войска не должны участвовать в боевых действиях⁹². Как показала события, эта «альтернатива» оказалась утопией.

Первоначально активные действия планировались уже в середине декабря. 11 декабря Б.Кармаль был переброшен в Баграм, а командир расквартированного в Кабуле спецподразделения «Зенит» получил приказ о штурме дворца Амина⁹³. Однако рекогносцировка на местности показала, что такими силами совершить «народное восстание» против Амина не удастся. Риск был очень велик. И тогда было принято окончательное решение о вводе войск. Такое развитие событий объясняет происхождение важной военно-дипломатической ошибки, допущенной советским руководством — Амин был уничтожен одновременно с вводом войск в Афганистан, и, таким образом, легитимность этого шага была разрушена, что в международных отношениях имеет очень большое значение. Позднее, когда советской стороне пришлось отстранить от власти Б.Кармала, это было сделано без особого труда — при наличии войск в Афганистане передача власти Наджибулле прошла спокойно. Если бы оккупация Афганистана и отстранение от власти Амина прошли бы поэтапно, претензий к СССР в «Третьем мире» было бы меньше — ввод войск по инициативе правящего режима имел множество прецедентов, в том числе и в практике США. Но мысль кремлевских стратегов шла по линии уничтожения Амина, который воспринимался не как неустойчивый союзник (каковым был в реальности), а как коварный противник. Казалось, что счет идет на дни, что переориентация Амина может произойти в любой момент, и ввод войск может спровоцировать обращение Амина к Западу со всеми вытекающими отсюда последствиями (особенно если учесть ввод мощной военной группировки в Персидский залив). Поэтому советские войска, вводимые в Афганистан, должны были уничтожить Амина первым делом.

Во второй половине дня 12 декабря Брежнев, Суслов, Гришин, Кириленко, Пельше, Черненко, Андропов, Устинов, Громыко, Тихонов, Пономарев одобрили «мероприятия» по Афганистану, предложенные Устиновым, Громыко и Андроповым. Этим троим Политбюро и поручило осуществлять активное вмешательство в дела южного соседа. Окончательное решение о вводе войск было принято 24—25 декабря⁹⁴. «Мероприятия» преследовали две цели: свержение террористического режима Амина и демонстрация решительности в противостоянии США. Возможные издержки в «Третьем мире» и социалистическом лагере предполагалось снять после скорой, как казалось, стабилизации обстановки в Афганистане, которая должна была наступить вслед за свержением антинародного режима Амина.

Со времени восстания в Герате афганское правительство направило СССР 19 просьб о военном вмешательстве. В июле советские десантники были введены для охраны аэродрома Баграм⁹⁵. Еще 17 ноября Амин попросил направить советских военных для охраны его дворца. Эта просьба была

удовлетворена 6 декабря — советские военнослужащие, переодетые в афганскую форму, заняли позиции вокруг дворца Амина. Однако «на всякий случай» они были отделены от резиденции кольцом афганцев. В декабре характер просьб изменился — Амин просил ввести войска только в северные районы страны. Возможно, к этому времени он стал опасаться полного контроля за афганской территорией со стороны СССР.

Для участия в операции по вводу войск были призваны резервисты и развернута 40-я армия, в которую вошли 5-я и 108-я мотострелковые дивизии, 103-я воздушно-десантная дивизия, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 860-й отдельный мотострелковый и 345-й отдельный парашютно-десантный полки — общей численностью в 50 тысяч человек. Вскоре в «Ограниченный контингент», как стали называть эту группировку, вошла также 201-я мотострелковая дивизия и еще два отдельных полка. Численность группировки возросла до 80 тысяч. 25 декабря эта армия пересекла границу Афганистана в полном согласии с Кабульским руководством. Амин не знал о том, что из Чехословакии уже вылетел Б.Кармаль. «Уговаривать его долго не надо было, — вспоминает Н.Леонов, — он рвался к власти и жаждал мести своим обидчикам»⁹⁶.

Амин выслал навстречу советским войскам генерал-майора Бабаджана для оказания им помощи в развертывании. В это время считалось, что войска вводятся в северные районы страны в соответствии с направленной ранее просьбой. Несмотря на то, что все проходило с его точки зрения благополучно, Амин на всякий случай перебрался в хорошо укрепленный дворец Тадж-Бек (потом там будет располагаться штаб 40-й армии). Выступая на торжественном обеде днем 27 декабря, Амин проинформировал присутствующих о начале ввода в страну советских войск: «Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко...»⁹⁷ Этот обед стал для Амина последним. На нем он был отравлен. По иронии судьбы промывание желудка Амину сделали советские врачи. Но руководить он уже не мог⁹⁸. Придя в себя, Амин попытался связаться с советским командованием. Убедившись в отсутствии связи, он проговорил: «Я об этом догадывался, все верно»⁹⁹.

Вечером 27 декабря советский десант приступил к новому этапу операции «Шторм-333», о котором Амин предупрежден не был. Началось взятие государственных учреждений под советский контроль. В 19 ч. 25 мин. советские спецподразделения попытались занять Тадж-Бек. Однако пройти незамеченными десантникам не удалось — начался бой, в ходе которого Амин был убит. Одновременно советскими частями при незначительном содействии сторонников Ватанджара и «парчамистов» были заняты или взяты штурмом другие важнейшие объекты столицы. В начале января были подавлены последние очаги сопротивления сторонников Амина под Кабулом.

Убийство Амина (возможно, планировался лишь его арест) разрушило правовую основу ввода войск. Кем бы ни был Амин, но его режим имел международное признание, и уничтожение главы иностранного государства было воспринято во всем мире как безусловный акт агрессии. В это время

Брежнев, видимо, еще праздновал победу — Западу «утерли нос» на Среднем Востоке, афганскую оппозицию деморализовали, террористический режим свергли и заменили более умеренным — во главе с Кармалем.

На Западе советская акция вызвала большие опасения. Об их причинах пишет Н.Леонов: «Само вступление 40-й армии в Афганистан состоялось в такой форме, что вызвало панику на Западе, где раздалось озабоченные голоса о том, что-де русские начали прорыв к Индийскому океану, реализуя свою «вековую мечту» о выходе к теплым морям. В самом деле, 40-я армия вошла в Афганистан со всем своим штатным вооружением, включавшим и тактические ракеты... А внешне создавалась ошибочная картина, будто русские вошли в Афганистан не для оказания помощи партии своих сторонников, а для дальнейшего броска к югу, например, к Ормузскому заливу, ведущему в Персидский залив, к ближневосточной нефти. Нефть Ближнего востока всегда рассматривалась Западом как жизненно важный фактор для развитого капиталистического мира. Покушение на нефть с чьей-либо стороны — это «казус белли» (причина для начала войны для США и их союзников). Без этой нефти весь цивилизованный мир сразу потеряет весь свой лоск и привлекательность, он погрузится в глубокий и опасный кризис»¹⁰⁰. Но советская армия остановилась на границе с Пакистаном и Ираном, получив строгое указание не пересекать ее даже для преследования вооруженных оппозиционеров. В Кремле понимали, что «последний бросок на Юг» мог вызвать действительно непредсказуемые последствия. Оправившись от первого испуга, Запад обнаружил, что вторжение в Афганистан может оказаться ловушкой для СССР.

Первый месяц оккупации не предвещал грядущей катастрофы. В декабре 1979 г. — январе 1980 г. было освобождено 15 тысяч заключенных, повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, ослаблен контроль за предпринимательством. Широко раздавались обещания разрешить деятельность других партий. Сторонники Амина арестовывались (некоторые из них вскоре были казнены).

Первоначально афганцы встречали советскую армию в целом дружелюбно. Партизаны производили редкие и безрезультатные обстрелы. Гибель солдат происходила только в результате аварий. Войдя в Афганистан по маршрутам Термез-Кабул-Газни и Кушка-Герат-Кандагар, советские войска как бы «оградили» это государство от соседних стран. Вскоре стало ясно, что это кольцо может задержать караваны оппозиции, как сито — воду.

Таджики и узбеки, составлявшие большинство солдат 40-й армии, вступали в разговоры с населением и искренне уверяли, что не собираются воевать. Казалось, ситуация напоминает ввод войск в Чехословакию. «Приказ четко определял наши задачи: выход частей на границу Афганистана и прикрытие их со стороны Ирана и Пакистана, — вспоминает генерал Ю.Шаталин, командовавший пятой дивизией. — Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сам расчет сил и средств вводимых войск показывал, что они не были рассчитаны на решение задач военными средствами... Это была целенаправленная политическая акция с применением вооруженных сил. Но ввод войск осуществлялся в страну, где шла уже вооруженная борьба, и в

результате втягивания наших войск в боевые действия произошла эскалация войны. То есть мирный поход перешел в войну»¹⁰¹. В январе 1980 г. еще оставался шанс начать вывод войск.

К февралю 1980 г. стало ясно — «русские» уходить не собираются. И тогда 21—23 февраля в Кабуле начались массовые демонстрации. Прикрываясь толпой, боевики стреляли по советскому посольству. С марта начались систематические нападения на советские гарнизоны — началась настоящая изнурительная и кровопролитная война в чужой стране. Контролируемые советскими войсками центры и дороги стали интенсивно обстреливаться с окрестных гор. У командования не оставалось иного выхода, кроме наступательных действий в этих горах. В течение 1980 г. численность «ограниченного контингента советских войск» (40-й армии) была доведена до 100000 человек¹⁰².

Ближайшие последствия вторжения в Афганистан уже в 1980 г. были охарактеризованы в аналитической записке Института экономики мировой социалистической системы. В ней, в частности, говорилось: *«В допущении к двум фронтам противостояния — в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая — для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях... Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ликвидации гонки вооружений. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз. Западная и китайская пропаганда получили сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза... Усилилось недоверие к советской политике и дистанцирование от нее со стороны СФРЮ, Румынии и КНДР. Даже в печати Венгрии и Польши впервые открыто обнаружались признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане... Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедших к новой тактике открытого вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой изре на противоречиях и несовпадении интересов между ними. На Советский Союз легло новое бремя военной помощи Афганистану»*¹⁰³. Ничего принципиально нового эта записка кремлевскому руководству не сообщала — почти все эти аргументы высказывались на Политбюро еще в марте 1979 г.

Однако масштабы антисоветской кампании на Западе в связи с вводом войск в Афганистан все же удивили кремлевское руководство. В 1980 г. на встрече с президентом Франции Брежнев возмущался: «Почему мы проявляем столько эмоций? — восклицает он. — Потому что речь идет о внутренних проблемах коммунистического мира... И почему вы защищаете Амина, этого убийцу и палача?» Ему вторил Громыко: «На приход к власти новых руководителей и злодейское убийство президента Тараки в сентябре прошлого года западные страны никак не отреагировали и не говорили о вмешательстве во внутренние дела страны. А тут их словно муха укусила, и они заговорили об интервенции!»¹⁰⁴ Жискара д'Эстен убеждал Брежнева, что

«вступление советских войск в Афганистан стал глубоким шоком для Запада, шоком куда более значительным, чем вы себе это представляете». Столкнувшись с перспективой крушения политики «разрядки», Брежнев был готов идти на уступки, выражая свои намерения в довольно эмоциональной форме. *«Потом он обеими руками хватает меня за ладканы пиджака, — рассказывает В.Жискар д'Эстен об этой встрече с Брежневым, — его лицо приближается к моему. Мне трудно смотреть на него с такого близкого расстояния, и все плывет перед глазами.*

*— Нужно найти политическое решение, — вновь начинает он. — ...Это теперь»*¹⁰⁵. *«На самом деле Амин вел страну к чудовищному насилию. Но мы не должны там оставаться», — считал Брежнев*¹⁰⁶.

Американское руководство, консультируясь с советскими представителями, требовали гарантий отсутствия планов вторжения в Пакистан и Иран. Беседуя с послом Добрыниным, госсекретарь Вэнс «оговорился, что сами США до последнего времени не верили в наличие таких намерений у правительства СССР. Однако ввод советских войск в Афганистан, в страну, не входящую в Варшавский договор, сильно поколебал в администрации прежнюю уверенность в том, что у Москвы нет таких намерений... В сугубо доверительной форме он сказал, что согласен с Громыко, заявившим послу США в Москве, что Амин был негодяй, но он не был американским агентом. В этом он может — неофициально — дать мне слово»¹⁰⁷.

Таким образом, действия и контрдействия двух сверхдержав вокруг Афганистана, которые привели к вводу советских войск, отчасти были плодом взаимных недоразумений и мистификаций. Но это не означало, что после разъяснения позиций настало время для компромиссов.

Если относительно миролюбивая администрация Картера еще готова была искать реальные пути скорейшего урегулирования проблемы (впрочем, как обычно игнорирующие особенности психологии кремлевских старцев)¹⁰⁸, то новой администрации вывод советских войск из Афганистана был невыгоден. В Афганистане СССР попал в геополитическую ловушку, которой умело воспользовались его стратегические противники. К концу 1979 г. СССР оказался в ситуации, в которой он не мог не потерпеть поражение. Принимая решение в этой сложной обстановке, кремлевские руководители оказались под влиянием личной неприязни к террористическому режиму Амина и недооценили некоторые малозаметные тогда обстоятельства, выбрав в итоге из двух зол большее. Победа ряда просоветских «революций» не смогла уничтожить на территории стран «социалистической ориентации» вооруженной оппозиции. Эти движения действовали такими же партизанскими методами, как и революционеры, приносившие столько проблем западному миру. В конце 70-х гг. Запад начал бить противника его же оружием, поддерживая партизанские освободительные движения в «Третьем мире», направленные против режимов социорентации. Стороны поменялись местами (а традиционно «революционному» Китаю для этого даже не пришлось менять тактику). СССР пришлось столкнуться с партизанскими движениями в Афганистане, Накарагуа, Анголе, Мозамбике, даже во Вьетнаме, а после вторжения вьетнамцев в Камбоджу — и в этой стране.

Здесь большую роль играло и вмешательство Китая, который обжегся на попытке «наказать» Вьетнам (за свержение «братского» полпотовского режима) путем прямой агрессии.

Так США и Китай начали опробовать на «социалистическом содружестве» стратегию, которая была изобретена Э.Че Геварой, мечтавшим покончить с американским империализмом, подорвав его мощь в нескольких «Вьетнамах»¹⁰⁹. Че Геваре не удалось разжечь «новый Вьетнам» в Латинской Америке, зато США смогли втянуть Восточный блок в несколько затяжных партизанских войн, крупнейшей из которых стала афганская.